

„Чего онѣ пишутъ?“ раздраженно подумала она: „весь день пишутъ; кому?“

И утромъ она, въ десятомъ часу, заставляла все такую же усиленную корреспонденцію. Сама она терпѣть не могла писать и писала только своей кузинѣ, да и то разъ въ недѣлю.

Вотъ уже вторая недѣля, какъ она на морѣ, и шестая, какъ вырвалась изъ Петербурга. Она не дождалась возврата Сосѣ изъ Москвы. Ту задержала болѣзнь отца. Ей стало нестерпимо. Она заставила Теняшева выправить ей паспортъ и уѣхала одна, съ горничной. Доктора, даже и специалистъ изъ академіи, похвалили ее за такое рѣшеніе и послали оба въ Франценсбадъ. Тамъ жили ея заграничныя знакомыя англичанки. Она не рисковала остаться одной.

Все это она скрутила въ одну недѣлю. Главное ея опасеніе было: не столкнуться съ Рынинымъ. Онѣ пріѣзжалъ наканунѣ ея отъѣзда. Ему сказали, что Софья Германовна въ Москвѣ, а Зинаида Мартыновна не принимаетъ. Его встрѣтилъ Егоръ-дворецкій и такъ, по приказанію барышни, и доложилъ:

— Не изволятъ принимать!

Дорогой ее особенно тѣшило приближеніе къ границѣ. Никакихъ приставацій отъ Сосѣ она не получила на письмѣ. Та сама ее гнала за границу послѣ депеши доктора изъ Петергофа. Объ отцѣ Зины Сосѣ писала кратко, что она его еще не успѣла видѣть, но слышала отъ Лукашина, что въ его состояніи опять произошла перемѣна къ „худшему“. На мать не было даже и намека.

На границѣ Зина точно страхнула съ себя свои припадки, слабости, обмороки, мигрень, всякую напряженность, разбирание щекотливыхъ „cas de conscience“. Она, на прощальномъ свиданіи съ княгиней Трубчевской, и не подумала просить у той окончательнаго совѣта, и сама, въ началѣ разговора, сказала ей:

— Я въ Москвѣ не буду. Мое здоровье разстроилось. Я ѣду за границу.

Княгиня одобрила ее, но Зина еще разъ убѣдилась, — уже въ ея гостиной, — что къ этому одобренію княгини относится равнодушно...

Прежнее обаяніе на нее окончательно покачнулось.

Отъ границы до Франценсбада она ѣхала и все мечтала о томъ, какъ будетъ готовиться къ осеннему сезону, подберетъ себѣ общество и, наведя справки, поѣдетъ туда, гдѣ, „стѣдить“ быть: въ Трувилъ, Булонь, Скевенингенъ или Остенде...

Но во Франценсбадѣ ванны разслабили ее сразу, — она про-